

Благодаря тайному покровительству жизнь Янь Цзыюня понемногу налаживалась.

За те дни, что он залечивал раны, никто больше не переступал порога его захудалого дворика. Одиночество не тяготило его — напротив, в нём он обрёл долгожданную свободу. С самого пробуждения в этом мире лишь последние два дня выдались по-настоящему спокойными: не нужно было ежеминутно ждать побоев или бояться, что тебя вот-вот продадут в чужие руки. Цзыюнь дорожил этой хрупкой уверенностью в завтрашнем дне. Иметь крышу над головой и не голодать — для него нынешнего это уже было немалым счастьем, которое следовало ценить.

Как только раны затянулись и силы вернулись к нему, Цзыюнь решил навестить Ху Бинцин. Пора было приниматься за работу: он всерьёз опасался, что если Чу Цюинь узнает о его праздности, беды не миновать. К тому же тётушка Ху, при всей своей внешней суровости, делом доказала свою доброту. Не поблагодарить её лично было бы чёрной неблагодарностью.

Рано утром Цзыюнь умылся горячей водой, аккуратно собрал длинные волосы и, переодевшись в чистое, вышел за порог.

Здесь всё было ему в диковинку. Страх перед Чу Цюинем заставлял его сидеть тише воды ниже травы, поэтому раньше он не смел и носа высунуть со двора. Выбрав послеполуденный час, когда слуги обычно предавались отдыху, он, петляя по дорожкам и миновав едва ли не десяток поворотов, наконец отыскал Тунъюнь-лоу — обитель Ху Бинцин.

Тунъюнь-лоу стоял неподалеку от Цзинге, зеркального павильона хозяина. Двухэтажное здание со множеством светлых окон позволяло любоваться садом со всех четырех сторон. Словно изысканная ширма, заслоняли его с юга коричневые деревья, а на юго-востоке журчал ручей в тени плакучих ив. У подножия раскинулся пруд в несколько му, вода в который поступала из внешней реки. Берега его украшали причудливые камни, на одном из которых красовалась надпись: «Фужун-чжоу».

«Видно, сестрица Ху не кривила душой, — подумал Цзыюнь. — Лишь тот, кто пользуется безграничным доверием господина, может жить в таком месте. Разве это жильё для простой служанки? Иной раз и знатные барышни не видят подобного почёта».

Маленькая служанка проводила его наверх и попросила подождать в приемной. Вскоре легкий газ занавеси колыхнулся, и из внутренних покоев вышла статная женщина. Голос её, раздавшийся прежде, чем она показалась целиком, был чист и звонок, словно трель иволги.

Но это была не Ху Бинцин. Перед ним стояла Лиинь, её приближенная помощница. Цзыюнь не знал её, но вежливо поклонился:

— Сестрица Лиинь.

— Сестра нынче занемогла, не до тебя ей. Ступай-ка ты лучше восвояси, — отрезала та.

Цзызюнь растерялся. Заметив его недоумение, Лиинь вздохнула и смягчилась:

— Ничего дурного не подумай. Просто иди домой, а через пару дней заглянешь снова.

Цзызюнь уже поклонился, собираясь уходить, но что-то заставило его обернуться:

— Как сестрица Ху? Если ей нужна помощь... я мог бы...

Лиинь не выдержала и рассмеялась:

— Помощь? От тебя? Ты и впрямь забавный. Впрочем, за заботу спасибо. Правду сказать, она приболела, но просила передать тебе вот это.

Она вложила в его ладонь костяную плашку — пропускной жетон, необходимый для передвижения по поместью.

— С этой вещью сможешь свободно ходить по саду и задней горе. Гора — тоже владение семьи Чу. И вот ещё что: завтра ступай напрямик к Лао Юаню, скажешь, что от управляющего Цзя. Там тебе и определят работу.

Цзызюнь послушно кивнул.

— Прошу вас... передайте сестрице... как только я обживусь... приду...

Видя, с каким трудом ему даются слова, Лиинь потеряла терпение:

— Ладно, ладно, передам. Знаю, что помнишь добро.

С этими словами она изящно развернулась и скрылась за пологом. Цзызюнь ещё раз поклонился её уходящей тени и лишь тогда покинул терем.

Лао Юань, Юань Сунван, был старым слугой, много лет преданно следовавшим за Чу Цзюинем. Господин, ценя его верность и преклонный возраст, позволил старику присматривать за лесами на задней горе. Работа была непыльной: следить за посадками, приглядывать за скотом. Часть припасов шла на нужды поместья, остальное старики оставляли себе. Чу Цзюинь, занятый великими делами, в такие мелочи не вникал, так что служба на задней горе считалась среди челяди завидным местом.

В день, когда Цзызюнь пришёл на место, гора встретила его густыми зарослями сосен. Зимняя

хвоя казалась поблекшей и седой, а редкие плодовые деревья в садах уже наполовину облетели. Жёлтая листва сиротливо дрожала под порывами холодного ветра.

К счастью, ватная куртка на Цзызюне была достаточно тёплой, иначе простуды было бы не миновать. Он плотнее запахнул ворот и последовал за Лао Юанем. Обойдя владения, они зашли в бревенчатый дом.

В этой хижине постоянно никто не жил — она служила убежищем для караульных. Как только Лао Юань усадил его перед костром, Цзызюнь, чувствуя себя спасённым, жадно протянул руки к огню и принялся растирать замерзшее лицо.

Старик Юань был не из разговорчивых. Он молча подогрел на огне кувшин вина и плеснул в две чаши — себе и гостю. Цзызюнь никогда раньше не пил хмельного, но, не желая обижать старика, принял чашу и сделал большой глоток.

Жгучая влага обожгла горло. Он поперхнулся, и вино брызнуло прямо в костёр. Пламя жадно взметнулось вверх, едва не опалив искрой меховую шапку Лао Юаня.

Цзызюнь вскочил, рассыпаясь в извинениях, но старик лишь жестом велел ему сесть. Юань Сунван продолжал молча пить, а Цзызюнь сидел ни жив ни мертв, не зная, куда деть руки.

Лишь когда они окончательно отогрелись, старик заговорил:

— Работы у нас хватает. Посевная, жатва, за скотиной пригляд — всё на нас. Управляющий Цзя за тебя просил, да и сам я вижу, что ты парень хрупкий. Начнёшь с малого: дрова колоть да воду носить. Справишься?

«Так это был он...»

Цзызюнь и раньше догадывался, чья рука направляет его судьбу, но теперь окончательно убедился: это управляющий Цзя втайне заботился о нём. Зачем человеку, с которым они едва знакомы, проявлять такую милость? Цзызюнь не привык к доброте, и сердце его наполнилось немой благодарностью. Эту услугу он не забудет.

— На сегодня хватит. В дозор не пойдёшь, обогрелся — и ступай домой.

Лао Юань поднялся, накинул тяжёлый плащ, прихватил кувшин и, ворча на мороз, вышел за дверь.

Оставшись один, Цзызюнь подбросил дров в огонь. В тепле его разморило, веки стали наливаться свинцом, но он изо всех сил старался не уснуть.

Внезапно тяжёлая дверь с грохотом распахнулась, впустив в комнату ледяной вихрь.

— А?! — Цзызюнь вздрогнул, решив, что старик что-то забыл, но Лао Юань заговорил первым:

— Всё как обычно, тишина на горе!

— Ч-что?

— Да говорю, дело к праздникам, всё готово. На двадцать второе число назначено — отвезём обоз в поместье, управляющий примет, и считай, отстрелялись.

— А... а потом?

— А что потом? Лес — дело нехитрое, обошёл дозором и свободен.

Старик сбросил покрытый инеем плащ и повалился на лежанку. Храп раздался почти мгновенно. Цзызюнь поднял упавшую на пол шкуру и на цыпочках подошёл к старику, желая укрыть его, но Лао Юань вдруг приоткрыл один глаз:

— Уходить будешь — сумку заberi. Она там, у двери. Всем положено, так что не забудь.

С этими словами он повернулся на бок и заснул окончательно.

Цзызюнь подошёл к порогу, развязал тесемки на увесистом мешке и замер, широко раскрыв глаза.

Внутри лежали сушёные грибы, побеги зимнего бамбука, древесные уши, горный женьшень и огромный линчжи. Там же нашлись мешочки с кедровыми орехами, свежая оленья нога... Цзызюнь несколько раз пересчитал подношения — больше десяти видов редких яств! Одному человеку такого богатства хватило бы на добрых полгода.

«Неужели всё это мне?»

Он ведь новичок, первый день на службе. Получать такую награду, не приложив труда... по правилам ли это?

Но Лао Юань спал крепко, и спрашивать было не у кого.

Поразмыслив, Цзызюнь решился. Он взял только оленью ногу и линчжи, аккуратно уложив их в свою корзинку. Остальное он разложил по местам в сумке старика.

Если спросят — скажет, что дома нет кухни и готовить не на чем. В этот раз взял, но больше — ни за что.

С того дня жизнь его вошла в колею. Каждое утро к часу Зайца он являлся на гору, а к часу Обезьяны заканчивал работу.

Поскольку путь до Сяньюань был неблизким, Лао Юань выхлопотал у управляющего разрешение обустроить при дежурке свою кухню. Кормили там на славу, поговаривали, что даже лучше, чем в господской столовой, так что все только диву давались, какой порядок старик Юань завёл.

Прошёл месяц. Видя, что Цзызюнь не силён, Лао Юань оставил его при кухне. Рубить дрова да таскать воду для поваров было делом привычным, и Цзызюнь заметно окреп. Лицо его округлилось, а на мертвенно-бледных щеках наконец проступил румянец.

Однажды под вечер в их края заглянул Лу Чуньлинь, заведующий внутренней кухней поместья.

Цзызюнь, переделав все дела и наполнив кадки водой на утро, уже собирался домой, когда увидел гостя. Он почтительно проводил дядюшку Лу к Лао Юаню.

— Ты здесь трудишься, дело доброе, — улыбнулся Лу Чуньлинь, — но не стоит постоянно носить мне гостинцы. Я ведь при кухне хозяина, разве я могу в чём-то нуждаться? Себя береги, гээр.

Цзызюнь лишь скромно улыбнулся в ответ. Они вошли в дежурку.

— Чуньлинь! Что это ты на ночь глядя пожаловал? — воскликнул Лао Юань.

До Нового года оставались считанные дни. Лу Чуньлинь, на плечах которого лежал праздничный ужин для всего поместья, дневал и ночевал у плит. Раз пришёл сам — дело важное.

— А что, Юань Сунван? Объявил себя горным королём и старых друзей на порог не пускаешь?

— Ха-ха! Будет тебе, заходи к огню, погрейся.

Цзызюнь, видя, что старые друзья намерены потолковать по душам, хотел было уйти, но дядюшка Лу окликнул его:

— А наш Цзюнь-гэер, гляжу, округлился... Ну-ка скажи, не обижает ли тебя этот старый ворчун?

Цзызюнь прикусил губу и с улыбкой качнул головой:

— Дядюшка Юань... он добрый. Работой не неволит.

— Слышь, а говорить-то стал как складно! — Лу Чуньлинь указал на него пальцем, обращаясь к Юаню. — Хороший малый. Я его когда-то пару раз обедом накормил, так он не забыл. Как разжился у тебя олениной, так сразу мне долю принёс. А как у нас завал начался, так после своей смены прибежал помогать — и дрова колот, и воду таскал, руки золотые.

Лао Юань усмехнулся:

— То-то я гляжу, он после смены как ошпаренный улетает! К тебе, значит, на подмогу? Да, парень честный, только упрямый больно. Господин наш широк душой, к мелочам не придирчив, я ему велел шкуры да коренья взять, так он — ни в какую. Мол, сыт, одет, и большего не надо.

Проговорив о том о сём, дядюшка Лу вдруг хлопнул себя по лбу:

— Ох, заболтался я с вами! Дело-то горит!

— Да что случилось?

— Ступай скорее, принеси мне мёда цветов Митуоло, что с весны припасён!

— Да в этом году цветение было скудное, мёда — кот наплакал. Зачем он тебе сейчас?

— Да иди же ты! — Лу Чуньлинь засуетился, подталкивая друга к выходу. — Управляющий передал: хозяин сегодня возвращается. А он до этой медовой каши сам не свой, надо всё заранее подготовить.

При упоминании о Чу Цзюине лицо Цзызюня мгновенно померкло. Он спохватился и попытался скрыть испуг, но сердце уже ушло в пятки.

Весь этот месяц он жил так спокойно лишь потому, что хозяина не было в Сяньюань. Все его едва замечали, никто не чинил обид... Но теперь всё изменится.

Страх перед этим человеком жил в самой глубине его души. Стоило Цзызюню вспомнить его глаза — черные, бездонные, мерцающие зловещим зеленым огнем, — как по спине пробегал

озноб.

За дверью завыл ветер. Цзызюнь отодвинул занавеску и взглянул на небо. Алое сияние заката стремительно гасло, уступая место тяжелым, свинцовым сумеркам.

Он чувствовал: добрые дни закончились. Хозяин возвращался.

<http://bllate.org/book/17484/1692832>